

ЧАСТЬ 1 ДАЧА В ПОДАРОК

x ЛАГЕРЬ

ПЛАНЫ НА ЛЕТО

А я не собиралась убежать.

Я их всех только

попугать хотела.

Я к ним на каникулы летом

приехала. Вернее, меня

привезли. Больно надо!

Я бы дома могла во дворе дел найти. Или в лагерь, как Анька, умотать. Подумаешь, лагерь. И даже не на берегу моря. И до единственной речки — двадцать километров.

Но разговоров было! «В лагерь, в лагерь — ты что? Там столько опасностей».

Как будто опасностей этих не хватает в городе, во дворе!

«Ребёнку дышать нечем. А тут — родная бабушка в деревне, почти что на даче».

Да, можно считать, что и дача. Деревенская развалюха, самый крайний домик. У всех давно коттеджи, а у нас — дача. Ха.

«Родная кровь и всё такое. Экология».

Ага. Коровки. Козы. Конечно, никаких коров и коз давно уже нет. И шестнадцатизэтажки через дорогу стоят. Но всё равно — лучше, чем в городе.

Ну, может быть, и лучше. Но в городе — Дима Пяточкин остался. И вообще развлечений хватает. Да, пыльно, зато весело. И Дима. Дима Пяточкин. В городе, один. Тем более что Анька в лагере, а значит, мои шансы повышаются. Ведь это же не кто-нибудь, а Дима Пяточкин. Лучший вратарь школьной хоккейной команды. И самый лучший вообще.

Обычно мы втроём ходим. Вернее, ещё недавно вдвоём: я и Анька, моя подруга. Мы ещё с детского сада дружим с Анькой. И даже Дима Пяточкин нам не помеха. Вернее, мне сначала было обидно, что он в Аньку влюбился. Мы же с ней всегда вдвоём, и гулять, и играть после школы. То я к ней, то она ко мне. А тут она в секцию волейбола пошла. Она ж высокая, Анька, как не пойми кто. А потом и Дима Пяточкин появился. И мы стали иногда ходить втроём. Но я же видела, как он смотрит на Аньку! Это всё из-за волейбола злосчастного, не будь его, были бы мы с Анькой подругами крепкими и продолжали прогуливаться вдвоём по двору.

На физре вдруг такая тётенька нарисовалась — Булкина, говорит, моя фамилия, Евгения Борисовна. Я сейчас вас посмотрю, вы не стесняйтесь, ведите себя естественно, будто меня и нет. Я вам потом всё объясню.

Гениальная фраза!
Вот гениальная.

Нам в итоге ничего не объяснили. Просто Евгения Борисовна кое-кому на ушко шепнула, когда и куда приходить. Моё ухо, кстати, осталось без внимания. Да все и так поняли — отбирают в спортивную секцию, всё равно даже, что за вид спорта. Вот такие мы, да, нам всё равно, берите нас, вернее, выбирайте.

И физрук тоже стал важный такой сразу, закивал, мол, да, не обращайтесь внимания. Легко сказать. Все девчонки начали кривляться. А парни наши все такие спортивные резко стали. И даже Ващенко два раза подтянуться смог, а обычно — ни разу. Такие дела. А взяли Аньку. Я даже сначала загордилась, что не кого-нибудь там, а мою, мою подружку выбрали. Мы даже с Анькой на радостях в раздевалке сплясали какой-то танец с буйными выкриками и прыжками.

А потом, когда я домой возвращалась, меня тоска охватила. Как же, Аньку взяли,

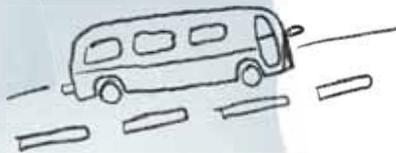
а я ни на что

НЕ ГОДНАЯ, что ли?

За ужином, между делом, я сообщила своим, что на физру приходила тренерша одна из спортшколы. А папа мой всегда мечтал, чтобы я спортом каким-нибудь занималась. Он сразу вилку отложил, приосанился. И такой — я знал, я знал, что мою дочь когда-нибудь оценят.

Я вообще врать не собиралась.

Я всего лишь про Аньку хотела рассказать, чтобы они тоже вместе со мной порадовались. А тут уж куда было деваться? Я кивнула, что да, мол, меня выбрали. И папа даже не спросил, в какой вид спорта. Тоже мне. Но ведь не всё потеряно! Аньку не окончательно выбрали. Евгения Борисовна подошла к Аньке после физры, протянула визитку, сказала, что ждёт её в среду. «Здесь недалеко. Отсюда на автобусе. Там будут другие девочки, вам что-то предложат сделать, у тебя данные». Анька кивнула на меня — а её можно с собой взять?

— В качестве поддержки, — улыбнулась Булкина, внимательно рассматривая меня, — ну, в принципе, можно, съездите вдвоём.

Ну как про такое рассказать родителям? Папа бы не понял меня точно.

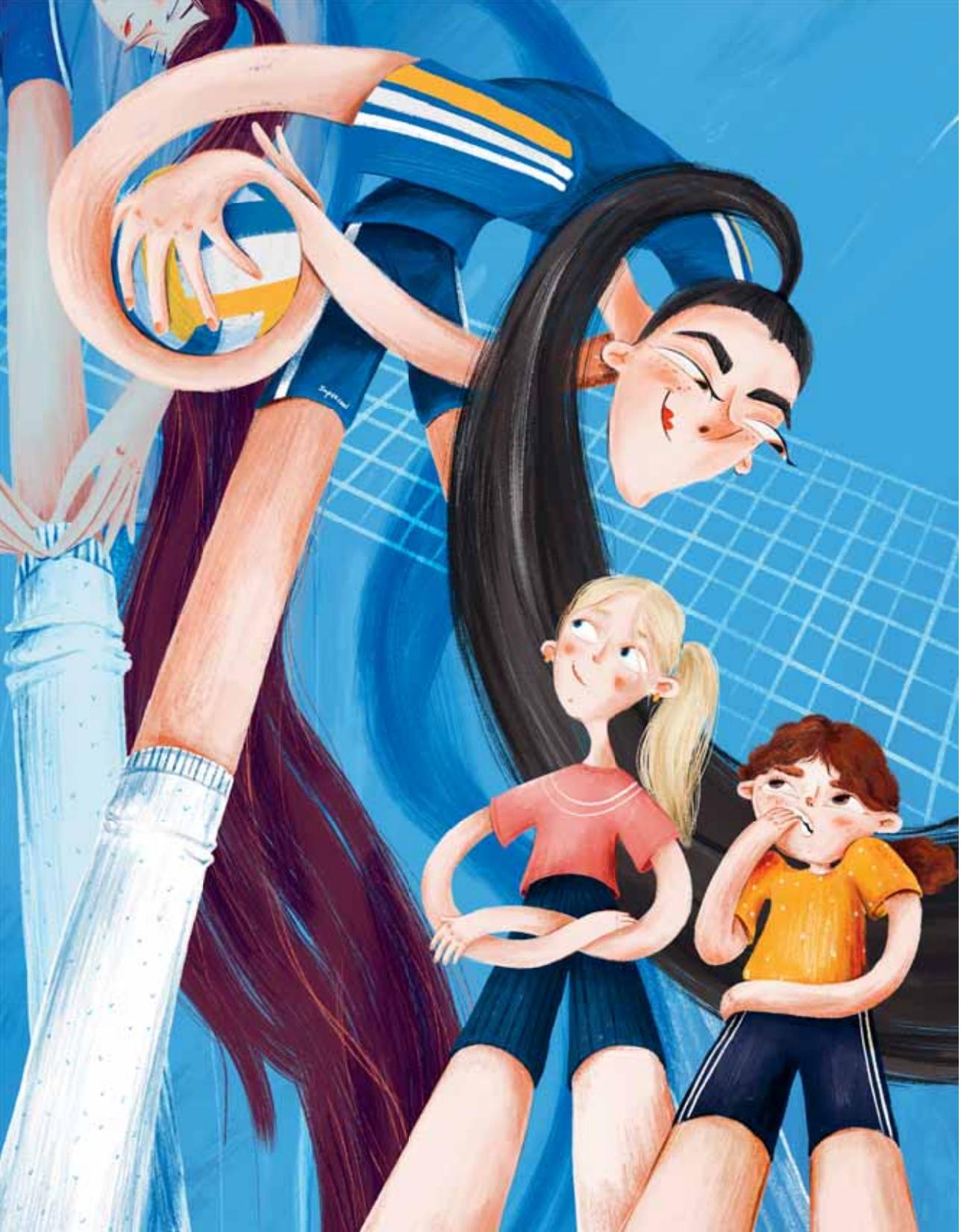
Ехали не на одном автобусе, а на двух. Улица Сталеваров только на карте близко. А так — очень неудобно добираться оказалось. Нас сразу отправили в зал. Построили. И тут стало понятно,

Х что мне **Н И Ч Е Г О**
не светит.

А я-то, пока ехала в автобусе, признаться, думала, что смогу доказать: никакая я не группа поддержки, а самый что ни на есть участник спортивного процесса. Но оказалась самой последней по росту. Вернее, мы с Анькой. Нас окружали невероятные дылды. И все с хвостами до попы, я не шучу. Нас заставили пробежать два круга по залу, потом делали приседания с подскоками. В общем, много всякой фигни. Я даже устала. Вот, думаю, если каждый раз такое, то и смысл какой, где волейбол обещанный.

Волейбола, кстати, так и не было.

А Аньку всё равно взяли. Так и сказали — ты, девочка, нам подходишь. А мне ничего не сказали. Да и так ясно.

Дома я ничего не говорила, а родители и не спрашивали. Я надеялась, к лету всё забудется. А если вдруг спросят, скажу, что... учитель заболел или что школа сгорела спортивная, короче, придумаю что-нибудь обязательно.

Анька теперь ходит в волейбольную секцию. И не на улицу Сталеваров, а рядом, двадцать минут пешком от нашей школы. И Дима Пяточкин ходит, в свободное от хоккея время. И я хожу. Иногда. На соревнования. Поболеть за Аньку, ну и чуть-чуть за Диму Пяточкина. Я всё же группа поддержки, ведь так про меня сказали.

Дима Пяточкин вообще ничего. Начитанный такой, много нам с Анькой рассказывает. И ещё он высокий. Выше Аньки. И он уже знает, чего в жизни хочет. Хотя желание у него довольно предсказуемое: быть первым в своей команде и занять все первые места во всех соревнованиях мира. У него одних клюшек — семнадцать штук. Я думаю, что это примитив. Иметь цель — хорошо, но мир — не только хоккей или волейбол.

Я даже подозреваю, что Дима Пяточкин Анькой заинтересовался только из-за волейбола. А на меня ноль внимания, потому что я не играю. Да и книжки, которые Пяточкин читает, сплошь про спорт, победу на соревнованиях. *Какое-то одностороннее развитие, так мне представляется.*

Я сама вот ни капельки
не определилась.

Мне нравится рисовать. Хотя мама говорит, что рисование — не моя стихия. И что мои рисунки напоминают ей авангардизм в плохом смысле этого слова. Я не очень её понимаю. Вот друзьям моим нравятся, да и в школе у меня твёрдая четвёрка по рисованию. А папа — так он вообще несколько моих рисунков у себя на странице в фейсбуке выложил. Думает, я не знаю, а я знаю. И собрал кучу лайков и комментариев, что карикатурист в семье растёт, талант несомненный. Только я этим отзывам не сильно доверяю. Ведь часто их пишут просто так и лайки ставят просто так. Хотя иной раз я думаю: а вдруг... и представляю себя знаменитой художницей.

Или известной
метательницей копья,
или фигуристкой,
или самым крутым политиком,
президентом даже,
думаете, я не справлюсь?

12

А ещё я лошадой люблю. Хорошо стать знаменитой наездницей и прыгать с лошади. Или иногда прыгать, просто прыгать. Не в длину — в длину у меня совершенно не получается. А вот стоять на месте и прыгать, прыгать, даже без верёвки, просто на месте. Кажется, что всё вокруг прыгает вместе с тобой, ощущаешь какое-то подобие счастья. Но я редко так делаю, только если никто не видит.

Дима Пяточкин слонялся во дворе.

А я решила подложить
Аньке свинью.

Самую настоящую.

Я всегда знала, что ей этот Пяточкин нравится. Она мне сама говорила. А мне хоть Пяточкин, хоть Ножкин (правда, я не знаю, кто это такой). Я вообще никогда ни в кого не влюблюсь, зачем это вообще надо.

Я стала ходить вокруг Пяточкина и коварно улыбаться. По крайней мере, мне так казалось, что улыбаюсь я коварно. И ещё — как роковая женщина. Я медленно облизывала губы и хлопала глазами. Дохлопалась до того, что передо мной замелькали какие-то непонятные точки зелёного цвета.

— Что с тобой, Юль? — обеспокоенно спросил Дима Пяточкин. — Ты, может, отравилась чем-то?